

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО
ХРИСТИАНСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ МАТРИЦ
В ИСТОРИИ КОНТИНЕНТА**

Риер Яков Григорьевич

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь).

Разделение христианства в Европе на православие и католичество отразило не только догматические противоречия и споры о верховенстве Константинополя и Рима, но и различия в общественном устройстве континента, обусловленные разными вариантами организации собственности и власти на западе, востоке и юго-востоке континента.

Известно, что христианизация Европы с падением Западной Римской империи в V в. пошла в разных направлениях. На варваризованном Западе при массовой неграмотности большей части населения христианство воспринималось внешними чертами: обрядностью и организационной иерархичностью. Ритуалы изначально осмысливались по-язычески, то есть как магия. Организационное устройство церкви отражало представления о социальных структурах варварского мира с дополнением некоторых черт римского общественного устройства, которые внедряли в варварскую среду как миссионеры, так и адаптировавшиеся к новой эпохе представители римской элиты. Христианские миссионеры и иерархи, среди которых были и довольно образованные римляне (Аврелий Августин, папа Григорий Великий и др.), чтобы быть понятными пастве, упрощали свои тексты и проповеди, превращая их в наставления и поучения, и до появления на Западе образованного слоя в возникших после XI в. университетах избегали высоких материй.

На юго-востоке континента, где сохранялась позднеантичная политическая организация – Византийская империя, судьба христианства оказалась иной. Уровень образованности византийцев позволял им видеть в христианстве не только символику и иерархию, но и философские основы веры, опиравшиеся не только на иудаизм, но и на древнегреческие концепции киников и стоиков. В соприкосновении с Ближним Востоком, с зародившимся исламом и с доисламскими учениями восточное христианство наполнилось многочисленными школами, сектами, трактовками – развивалась бурная интеллектуальная жизнь, которую не знало поначалу западное христианство.

Различия появились и в дихотомии светского мира и церкви. Раннесредневековая разобщенность Западной Европы способствовала сохранению первоначальной церковной организационной автономии, вылившейся в формировании специфической теократической монархии – папства – с централизованной структурой управления, независимой от светских властей. При господстве религиозного мышления это привело даже к верховенству церковной организации над светской властью, что ярко проявилось во времена инквизиции и «охоты на ведьм».

В Византии же, в условиях стабильной государственности сформировался своеобразный симбиоз церкви и светской власти – то, что в православном нарративе получило название *симфонии*: церковь осуществляла идеологическую поддержку властей, которые, в свою очередь, поддерживали ее материально и политически.

Всё вышеуказанное заложило основы последовавшего раскола христианства на православие и католичество. Но, помимо религиозных составляющих, раскол отразил и фундаментальные, цивилизационные различия Средневековой Европы. При всей своей централизации римская церковь опиралась на фундаментальные черты западноевропейской цивилизации: преобладание индивидуальных прав над коллективными: «каждый в своем праве», из которого исходила и известная корпоративность западного мира. В основе такой структуры лежало соединение античных представлений о собственности как частном праве свободных с германскими представлениями об индивидуальных земельных владениях – аллоде. Из последнего, как известно, выросло

западное сеньориальное право: «вассал моего вассала – не мой вассал» и договорное начало в отношениях между людьми и их корпорациями, что восходит и к древнегерманским дружинным порядкам. Все эти представления были **впитаны** и западным христианством, которое превратилось в особую корпорацию со своими иерархией, юрисдикцией и автономной повседневной деятельностью. Возникло своеобразное **разделение властей**: светская администрация не могла вмешиваться во внутрицерковные дела, церковь, в свою очередь могла влиять на мирян лишь через свою пасторскую роль в обществе. При этом материально Римская церковь изначально была независимой. И в условиях раннесредневековой раздробленности превратилась в богатую самостоятельную корпорацию, что в итоге позволило ей возвыситься и стать арбитром в зоне своего влияния, что особенно проявилось в X–XIII вв. и наглядно отразилось в роскоши готических соборов, ставших доминантами в тогдашней архитектурной среде.

Православная церковь в условиях политической централизации Византии **впитала** нормы всеобщего подданства, следуя за светской властью, что отразилось и в материальном положении. Уже IX–X вв. западные прелаты, посещая византийские храмы, удивлялись их бедности. Но в условиях авторитарного управления всеобъемлющей императорской власти (оставим в стороне постоянные заговоры и внутриэлитную борьбу со свержением императоров и династий) и всеобщего подданства православная церковь взяла на себя миссию посредничества между паствой и властью. Это ярко отразилось в формах литургии: в католических храмах священник обращается к верующим от Церкви и Бога, в православных церквях – от лица верующих к священному алтарю.

Указанные различия довольно четко проявились в географическом распространении обеих христианских конфессий. Католический мир – в странах сложившегося «сеньориального феодализма» – системы, основанной на договорных вассально-ленных отношениях с взаимными обязательствами сторон. Православие распространилось там, где преобладали авторитарные формы правления с всеобщим подданством.

В этом отношении показательно конфессиональное разделение славянского мира. Изначально, у славян, в отличие от германцев с их разделенной на аллоды аморфной общиной-маркой существовала община, сплоченная коллективным землепользованием, без четкого выделения семейных владений. Причина, представляется, в более континентальных природных условиях востока Европы, требовавшего совместных усилий для выживания в условиях относительно короткого сельскохозяйственного сезона по сравнению с западноевропейским атлантическим мягким климатом (разница в 3–4 месяца). В итоге у славян не создавались естественные условия для выделения индивидуальных не только крестьянских, но и дружинных хозяйств, из которых на Западе возникли рыцарские держания.

Но западнославянские элиты через латинское влияние (особенно немецкого духовенства и контакты между соседними феодалами) постепенно восприняли западноевропейскую вассально-ленную систему, а вместе с ней и католичество. На востоке же континента и на прилегавших к Византии землях Балкан, в отдалении от Рима и Запада сохранялись коллективистские общинные порядки. Из

патриархальной общины выростала и патриархальная государственная власть в виде авторитарных правителей. Для такой формы правления больше подходила именно византийская, т.е. православная традиция, что и определило конфессиональную границу в Европе.

Иными словами, конфессиональные особенности Европы оказались обусловлены ее социально-политическими различиями. Это подтвердила и Реформация, отразившая дальнейшее развитие западноевропейской цивилизации в направлении индивидуализации и жизни, и веры, зародившейся в буржуазной среде городов...¹.